

дился реальный режим жесткой экономии. Последствия: отменялось значительное снижение потребительского стандарта, сокращение числа "торговых точек", площадей арендуемых помещений, численности работников (последнее, впрочем, не всегда связано с кризисом). Освобождались, как правило, от недобросовестных сотрудников или тех, кто оказался бесполезным в новых условиях*. Эта стратегия, при небольшой доле "внешней" удачи, дает наиболее значимые результаты. Через некоторое время падение заканчивалось и обороты начинали стабилизироваться, правда, на значительно более низком уровне. В качестве "внешней" удачи и выступает здесь успешная работа сети. Чтобы пережить кризис, необходимы или бюджетная подпитка (муниципальный заказ или заказ от госпредприятия с устойчивым финансированием), или "долларовый ручеек" (зарубежный клиент или экспортная продукция и право экспортировать, грантовая поддержка). За них и разворачивалась борьба.

Средством борьбы, как показывают интервью, редко служит откровенный подкуп (взятка). Значительно чаще здесь требовались нужный заказ, квота на продажу, клиент и т.п. Работа сети здесь осуществляется в двух направлениях: позитивном и негативном.

Первое направление связано с тем, чтобы "найти выход" на нужного человека, оказать ему услугу, "надавить". Самыми действенными в этом случае оказывались родственные связи. Несколько уступали им "друзья". Институт "знакомых" в кризисный период вообще перестал активно функционировать: слишком велики риски при его использовании. Наибольший же негативизм вызывали партнеры.

Второе направление связано с тем, чтобы "утопить" конкурента. Рыночные методы (демпинг, расширение ассортимента, активный маркетинг и т.д.) используются сравнительно редко из-за дороговизны и отсутствия пространства для финансового маневра. Чаще же используются "друзья" и "родственники", работающие в силовых и фискальных структурах. С их помощью "противник" если не полностью выводится из игры, то отбрасывается на много шагов назад.

Попытка продолжить игру, включая в нее новые "ходы" (гранты, муниципальные заказы, режим экономии, уменьшение степени легальности, сокращение размеров сети и повышение ее функциональности, смена сферы деятельности) характерна прежде всего для представителей третьей и четвертой групп. Именно эти стратегии оказались наиболее жизнеспособными в новых условиях.

Сегодня мелкие предприниматели и самозанятые (наиболее многочисленный и мобильный бизнес-слой) представляют собой социальных "невидимок". Для государственных структур они — лишь источник налоговых поступлений. Для крупных предприятий — помеха в работе. Для "серьезных экономистов" — малозначительный пририск к общей картине. Однако именно этот слой в конечном счете взаимодействует с потребителем, является действительным, а не номинальным показателем уровня жизни населения и состояния рынка.

Эти его особенности практически никак не учитываются при осуществлении социальной политики в отношении этих социальных групп. "Многослойный" характер экономических стратегий, вынужденная "делегализация" бизнеса заставляют предпринимателя ориентироваться главным образом на "свою" социальную сеть в решении кризисных проблем. Стремление "наступить" на какой-то один из "слоев" вызывает мгновенное перетекание деятельности на другой уровень легальности или просто ее

прекращение. Тотальное недоверие к государству и государственным программам приводит к тому, что любые проекты поддержки малого бизнеса, осуществляемые через государственные структуры, будут иметь лишь ограниченный успех. Сеть просто перераспределит направление финансовых потоков.

Лев ГУДКОВ

Отношение к правовым институтам в России

За 12 лет работы ВЦИОМ в его архиве накопились довольно большие массивы данных различных опросов, характеризующие отношение людей к правоохранительным органам, суду, прокуратуре, мнения о состоянии преступности, о проблеме смертной казни, наказаниях и пр. Систематически эти данные не рассматривались специально, хотя сами по себе массовые реакции такого рода не менее интересны и важны для понимания природы нашего общества, чем экономические, политические, национальные или культурные представления. Задача данной статьи — изложить (хотя бы в первом приближении) основные особенности собранных сведений по этой теме.

Сегодня широко распространено мнение, что перестройка и крах советской системы не просто сопровождалась, но стали причиной роста преступности, беззакония, привели к господству мафии и всеобщей коррупции государственных чиновников. В том, что преступность стала расти после начала реформ, убежден 61% опрошенных (1996 г.), другой точки зрения — "преступность и раньше была, между этими процессами нет прямой связи" — придерживаются только 18% (затруднились ответить 20%).

Не берясь оспаривать столь общие суждения или соглашаться с ними, я бы перевел рассмотрение подобных проблем в другую методическую плоскость — мы не можем оценивать масштабы подобных явлений в советское время и сравнивать их с нынешним состоянием дел, поскольку мы не обладаем для этого адекватными средствами. Сделать это не позволяет прежде всего система статистического учета преступлений. Дело не столько в том, что раньше какие-то преступления не учитывались или их по идеологическим или ведомственным соображениям старались скрыть, а сейчас начали регистрировать, хотя и это имеет место. Проблема заключается прежде всего в эластичности, или неопределенности, представлений о том, что такое правонарушение или преступление (и как, кем некие действия квалифицируются в таком качестве), а также — в изменениях оценки, восприятия и значения правонарушения как социального факта, как "ценности", изменении модальности трактовки нормы закона и ее соблюдения или нарушения. Есть целые социальные сферы, такие, как предпринимательская или шире — хозяйственная деятельность, которые и сегодня, и тем более вчера были просто невозможны без постоянного нарушения формальной буквы закона. Дефицитарная экономика не могла не порождать у действующих субъектов конфликтов с законом, она создала своеобразные социальные роли подобных виртуозов-посредников (например, "толкача"). Это не явление сегодняшнего дня, это тип хозяйствования. Например, симбиоз личного подсобного хозяйства (ЛПХ) и колхозного хозяйства предполагает постоянное и систематическое воровство, если к нему применять формальные юридические категории. Живучесть колхозной системы (и одновременно — сопро-

* Шанин Т. Указ. соч. С. 11-33.

тивление фермерству) основывается на том, что убожество работы и доходов в "коллективном хозяйстве" компенсируется эффективным трудом на приусадебном участке. Однако такая производительность достигается не только потому, что люди здесь работают сами на себя, но и потому, что при этом "бесплатно" используются колхозные семена, комбикорма, энергия, техника, горючее и пр. Но едва ли кто (из начальства или самих колхозников) рискнет квалифицировать поведение такого рода как криминал, поскольку это разрушило бы саму систему существования и т.д.

Продолжая эту мысль, скажем, что, хотя сами подобные отношения могут и сохраняться с советских времен, но сегодня меняются представления о "нормальности" преступления и его распространенности в обществе. Вместе с эрозией или даже распадом прежнего государства исчезает официальная однозначность соответствующих прошлых определений. Государственная власть, аппарат утратили монополию на квалификацию действия как "преступного" (включая и моральные обертона) или как правонарушения, потому что само государство не едино, децентрализованно и представлено в виде нескольких или даже множества корпораций или групп влияния, имеющих собственные интересы и нормы определения правонарушений. В обществе сегодня **открыто** действуют разные нормативные порядки и представления. Сам по себе этот факт для социолога довольно тривиален, но для общественного осознания он не просто непривычен, но и труден и это само по себе создает проблему. Общество стало равнодушным к нормативной гетерогенности или даже амбивалентности нормативных предписаний. То, что раньше создавало предмет общественного двоемыслия, двойного счета, фабулу моралистической публицистики 60-х годов, сегодня потеряло свою остроту. Иначе говоря, произошло не просто проявление ранее латентных механизмов и нормативных порядков, но и уравнивание их с прежними, институциональными, единственно легитимными. При этом старые, сложившиеся одновременно с формированием советского репрессивного режима, времен ЧК — НКВД и большого террора, навязанные официозом ("октроированные") представления о праве уже явно теряют свою силу, новые же представления, которые можно было бы связывать с зачаточным гражданским обществом и его системой регуляции, пребывают в аморфном и нерасчлененном состоянии, поскольку уж очень слабы те группы или слои, которые могли бы их выражать. Нет той интеллектуальной, культурной элиты, которая должна была бы их артикулировать и систематически утверждать. В результате имеет место не только известное смещение массовых и официозных представлений, но и их сильнейшая правовая релятивизация, явившаяся следствием нерационализированности в свое время советской проблематики права, а значит — и непроработанности сегодняшней юридической практики. Отметим, что необходимость рационализации касается самых разных аспектов правовой системы, включая и ценности права, т.е. философию права. Выражения типа "преступления сталинского режима" остаются чисто риторической или заклинательной фигурой или забыты как пустой звук, поскольку до сих пор нет реального, серьезного анализа той основы, той системы, которая делала их возможными.

Подобные рассуждения не являются чисто теоретическими, отвлеченными упражнениями. Такая постановка вопроса среди прочего имеет и вполне прагматические аспекты. Например, это проблема не только регистрации, но и раскрываемости преступлений. Поскольку этот вопрос не технический, и не узкоморальный, а ценностный, его можно поставить и так: какую цену общество (или его за-

меститель, представитель) готово платить за контроль над уровнем правонарушений*.

Первое, на что мы наткнемся при анализе материалов этих опросов, — это резкий разрыв в массовых претензиях к верховной власти, ожиданиях того, что правительство наконец-то станет наводить порядок в стране, т.е. будет стремиться обеспечить соблюдение законов всеми гражданами, независимо от их должности и положения, займется настоящей, а не показательной борьбой с преступностью, коррупцией и т.п., с одной стороны, и столь же широко распространенное недоверие к правовым институтам и правоохранительным органам, нигилизм в отношении к норме или букве закона — с другой. Требования "соблюдать законы", "восстановить порядок" и т.п. являются самыми частыми ответами на разнообразные вопросы, касающиеся определения задач, обязательных или приоритетных, для очередного правительства или президента, либо наиболее острых проблем российского общества.

Низок общественный престиж и моральный статус судьи, прокурора или адвоката, не говоря уже о милиционере. Вместе с тем ценность юридического образования сама по себе сегодня высока как никогда и конкурс при выборе профессии юриста в университетах чрезвычайно высок. Правда, этого же нельзя сказать о милиции, поскольку милиционер — одна из самых непрестижных, "лимитных" профессий. Приведем соотношение "доверяющих" и "не доверяющих" в ответе на вопрос: **"Доверяете ли Вы людям следующих профессий?"** (исследование **"Преступность"**, февраль 1993 г., общероссийская репрезентативная выборка; N=1200 человек):

Профессия	Индекс доверия представителям различных профессий
Ученый	19,0
Священнослужитель	9,5
Врач	4,7
Военный	2,3
Предприниматель	1,2
Журналист	0,5
Прокурор	0,5
Судья	0,5
Милиционер	0,2
Государственный служащий	0,2
Политик	0,07

* В качестве иллюстрирующих аргументов приведу две выдержки. Одна — из интервью А.Улюкаева: «...**Нынешнее российское** трудовое **законодательство** на первый взгляд предоставляет формально достаточно высокие степени защиты работника (социальные гарантии и пр.). Но фактически это законодательство в нынешних условиях заставляет работодателя пренебрегать им, в результате чего работник оказывается полностью беззащитным... Для многих госчиновников закон как бы существует. Например, в федеральный бюджет не включаются средства на реализацию социальных бюджетов, их исполнение спускают на нижние уровни (региональный и местный), где, естественно, из-за нехватки денег они исполняются либо частично, либо вообще не исполняются... Государство большое, но очень слабое и неупорядоченное, неструктурированное, "обремененное" рудиментами социализма — внеэкономическим "принуждением"» (Человек и труд. 2000. № 1. С. 19-20). Другая — из статьи Котюковского: «Становление русской бизнеса (начиная с самых первых законодательных "кооперативных" актов) проходило под таким налоговым и юридическим прессом, что иначе вести дела было абсолютно невозможно. Собственно говоря, речь идет не о "сращивании", а о зарождении предпринимательства как некоей преступной организованной формации» (**Котюковский Я.** Организованная преступность глазами ее участников // **Организованная преступность в России: Теория и реальность.** СПб., 1996. С. 37).

Можно сказать, что негативные оценки или массовое недоверие к правовым институтам, крайне низкий уровень престижа юристов предполагают — в качестве своего рода морального баланса или внутренней компенсации — завышенные и очень общие требования к власти: установление порядка, справедливости, законности, честности, чистоты (незапятнанности, свободы от подозрений или обвинений в коррупции, корыстных интересах, злоупотреблении служебным положением и пр.). Правильнее было бы связывать эти реакции не с правовым сознанием, опирающимся на высокую ценность формальных и общепринятых, конвенциональных правил социального поведения, ориентированного на закон, обязательный для всех, а с материальным чувством справедливости, обеспечение которой возлагается на власть и отчасти воплощается в ней. Характерное для массы россиян представление о справедливости заключается в "праве — обязанности" власти защищать бедных и слабых, а также — снижающем равенстве подданных перед высшей властью, карающей и милующей по неформальным соображениям пользы или издавна заведенного порядка. Совершенно очевидно, что это не "современное" правовое сознание, а рудименты традиционных патерналистских представлений о социальном порядке. Подобные мотивы широко использовались в официальной советской демагогии (она была представлена главным образом газетной риторикой тех лет, а также назидательной кинопродукцией, "милицейскими" романами и т.п.), и отчасти они принимались обществом, о чем свидетельствовали письма с жалобами в редакции газет.

Право (как оно предстает из анализа ответов респондентов) было и является не выражением установленных гражданских конвенций, общих, согласованных правил взаимного поведения (понимаемых по модели "общественного договора", как оптимизация взаимной пользы или удовольствия, общих предпочтений), а системой предписаний и ограничений, спущенных "сверху", накладываемых властью на подданных в своих целях и интересах. Такое отношение сохраняется и сегодня, например, в отношении к закону, принимаемому Государственной Думой, включая и те, которые затрагивают самый широкий круг людей, пассивно и равнодушно принимающих их последствия, будь то налоги или прописка, УПК, бюджет или акцизы. Никакой общественной — публичной — реакции на законодательную деятельность Думы нет. (Я не имею в виду оценки СМИ или политиков и не массовые устойчивые установки в отношении Думы как таковой, речь идет о разделении ответственности и участии в принятии решения.) Подавляющая часть общества просто не знает, какие изменения в законах или правовой системе следуют из решений Думы и в чем они выражаются. Например, об изменениях в Уголовном кодексе России, внесенных в последнее время (и касающихся, среди прочего, моратория на смертную казнь), знают 15% опрошенных (опрос 1998 г., N=1600 человек) и еще 23% что-то слышали или читали об этом, но не знают, в чем, собственно, они состоят, 62% — ничего не знают об этом. Но отсутствие заметной реакции общества на такого рода события означает, что правовые установления неявно, подспудно, привычно понимаются как узда, намордник или поводок, надеваемый на нецивилизованную и ограниченно вменяемую массу населения (всего лишь потенцию общества) для того, чтобы его члены не съели друг друга и повиновались начальству. Действительно, организованной эта масса становится лишь при отеческом руководстве и надзоре государства. Антропологическая аксиоматика подобной философии права (и наказания) в такой ситуации основывается не на идее договора равноправных, дееспособных и разумных субъектов, способных к пониманию вза-

имных интересов, ценностей, мотивов поведения, а на латентном понимании темной природы человека, подлежащего репрессивному контролю, ограничению его произвола, лишению его возможностей действовать под влиянием собственных мотивов и целей, так как действия его могут иметь исключительно асоциальный, хамски-эгоцентристский смысл. Сам по себе человек (в этой конструкции) не обладает должными качествами и способностями, которые стимулировали бы его согласовывать свои действия с желаниями или целями других людей. Такого рода социальность предполагает внутреннюю интенцию на обязательный внешний жесткий контроль (внутренний "милиционер"). "Другой" представляет собой не источник или ресурс позитивных значений для действующего, самодостаточных оснований графикации, а лишь негативное условие реализации его целей или стремлений. Можно сказать, что представление о (репрессивной) роли государства с необходимостью входит в антропологическую конструкцию советского человека, в понимание его социальной природы как партнера, как Другого ("...с нашими людьми иначе нельзя"). Во всяком случае именно этот смысловой момент возникает, например, в ситуации всеобщего искреннего возмущения против легализации свободной продажи оружия или владения им в целях самообороны (против нее высказалось почти 80% опрошенных, 1991 г., N=1048 человек).

Распад советской системы повлек за собой волну различного рода интеллигентских манифестаций о необходимости построения правового общества, разделения властей, реформы правовой системы и пр. Частично эти принципы вошли в новую Конституцию России и реализовались в некоторых социальных институтах. Однако общий характер трансформации системы в принципе повторял логику процессов разложения советского режима, логику децентрализации бюрократической системы под воздействием корпоративных и групповых интересов. Так, нынешняя независимость судей не является простой декларацией, это реальное усиление корпоративной автономии судей по отношению к федеральному центру как преждему источнику контроля и кадрового назначения (вместе с тем она создает условия определенной правовой безответственности, взяточничества и пр.). Но подобная свобода не избавляет от давления региональных властей и групп интересов. Фактически автономия судей на местах означала и обеспечивала переориентацию их (как и правоохранительных органов) с центра на губернатора и т.п. Принципиальные особенности советской правовой системы сохранились и сегодня, но стали открытыми, утратив в значительной степени свой декларативный или декоративный характер.

Правовая деятельность в советское время (если ее оценивать не формально, не по наличию конституций, кодексов законов или показных, "витринных" институтов, а по практическому применению права) была ориентирована исключительно на реализацию и обеспечение интересов власти. Она была направлена, если можно так сказать, "сверху вниз". Интересы граждан учитывались и реализовывались практически лишь в тех случаях, когда они не противоречили: а) общим интересам власти ("государства"); б) интересам непосредственных чиновников или отдельных корпораций. За очень небольшим исключением, относящимся к областям собственно гражданского судопроизводства (имущественных, бракоразводных дел, а также некоторых аспектов трудовых отношений и т.п.), право носило не столько регламентирующий и регулирующий, сколько репрессивный характер. Советская правовая система была ориентирована прежде всего на защиту тоталитарного государства (принуждение к повиновению и исполнению государственных повинностей и обя-

занностей — работы, службы в армии, лояльности к системе, защите госсобственности и т.п.), и лишь затем уже — на прочие ценности или принципы, суть которых сводилась к защите условий воспроизводства самих зависимых от государства работников — трудовых прав, социального обеспечения, уголовной защиты и пр. Соответственно, суд по идее, по принципу был прежде всего карательным институтом (нацеленным на изоляцию правонарушителя или его уничтожение). Другие правовые принципы и ценности — социальное возмездие, реабилитация и пр. — отступали на задний план. И это в общем и целом поддерживалось и отчасти поддерживается массой населения, что проявляется в характерных требованиях ужесточить наказание для преступников, сохранить или расширить рамки применения смертной казни. За то, чтобы применять более жесткие и суровые меры — более длительные сроки лишения свободы, более суровый режим содержания, шире применять высшую меру и т.п. — для борьбы с преступностью в 1994 г. высказались 85% опрошенных (март 1994 г., N=1770 человек).

Сегодня правовая система уже не в состоянии из-за своей слабости обеспечить весь этот круг задач, а потому вынуждена его ограничить важнейшими целями обеспечения воспроизводства тех институциональных отношений, которые определяются как приоритетные наиболее влиятельными группами интересов.

Материальному пониманию права в советское время соответствовал и (отчасти сохраняющийся) неформальный — **иерархический и селективный, выборочный** характер применения или действия права. Но если раньше эта избирательность была задана социально-статусными различиями, то сегодня она может определяться и другими нормами. Например, аргументами суверенитета национально-автономных республик, региональными интересами и пр. Как правило, советское руководство среднего (областная номенклатура), а уж тем более высшего уровня не попадало под суд без соответствующих санкций сверху, даже при наличии достаточных правовых оснований для возбуждения уголовного дела в виде тех или иных правонарушений. В отношении руководства (в советское время и отчасти сегодня) возбуждению любого уголовного дела предшествовало политическое решение вышестоящих инстанций. Без этого судопроизводство было крайне затруднено: ни судьи, ни прокуратура не имели и не имеют достаточного реального влияния и авторитета, чтобы вести расследование и судопроизводство самостоятельно и независимо. Выродившимися, остаточными формами этого негласного правила стало так называемое "телефонное право", которое, пусть и в ослабленном виде, существует и сегодня. Из множества возбуждаемых в последние годы уголовных дел против чиновников высокого ранга до суда дошли единицы — после многомесячных отсидок (иногда после 1 — 1,5 лет следствия) дела прекращались из-за отсутствия состава преступления, по амнистии и т.п. Речь идет не просто о "чемоданах компромата", возникающих время от времени, злоупотреблении служебным положением, использовании целевых кредитов в личных целях, арестах тех или иных министров или руководителей ведомственных управлений и пр. (Директор ФСБ РФ в декабре 1996 г. заявлял о проведении расследования в отношении 500 чиновников высокого ранга, в том числе и 50 представителей высшего руководящего звена, однако кроме двух-трех дел, таких, как дела бывших губернаторов В.Подгорного или А.Севрюгина, никто осужден не был. Более того, многие дела сами собой рассыпались с течением времени (П.Карпова и др.). Дело в самом принципе — власть не может по самым разным соображениям обеспечить формальное равенство правосудия. У нее нет средств для этого, нет законов и механизмов

их реализации. Поэтому сами дела такого рода (независимо от реального состава преступления) использовались и используются исключительно в политических целях, а по мере нейтрализации того или иного "фигуранта" потребность в осуждении его пропадала.

И в период тоталитарного режима, и в период "перестройки" 1985–1991 гг., и уже в постсоветское время власти рассматривали население исключительно как ресурс для собственного обеспечения и проведения той политики, в которой они были заинтересованы. Правовое регулирование, регламентация (как и налоговая система или призыв в армию и т.п.) охватывали лишь тех, до кого могли "дотянуться". Этим определялась и определяется до сих пор уголовная статистика, работа правоохранительных органов (МВД, прокуратуры) и пр. Иначе говоря, силовые линии и сферы действительности, значимости права такие же, что и у других институтов репрессивного или распределительного государства (фискальных, армии и пр.). Поэтому правовое поведение населения и при советской власти, и — пусть в меньшей степени — в нынешнее время может быть описано как безотчетное стремление людей дистанцироваться от властей и как можно полнее обезопасить себя от контактов с любыми властными инстанциями, в том числе и с правоохранительными органами (милицией, судом, прокуратурой и т.п.). Как правило, обращение в суд было вынужденным, причем чаще всего инициатором здесь было само государство, подталкивавшее обывателя к судебной процедуре. Задачи же населения — избежать конфронтации с администрацией любого уровня, сохраняя всю сложившуюся систему повседневных отношений и неформальных связей, пусть даже и нелегальных, поскольку они часто являются источником обеспечения, включая даже условия физического выживания, приспособиться к ситуации, но не протестовать, не проявлять какую-нибудь общественную активность, в том числе и посредством обращения в правоохранительные или судебные органы. Дело не в "анархическом" характере русских, а в крайней степени неудовлетворенности населения работой правовых институтов.

Однако, несмотря на некоторое обещающее движение в области права и начало правовой реформы в России, субъективно для большей части населения нынешнее положение (в сравнении с советскими временами) заметно ухудшилось. Как это всегда бывало в период резких социальных и политических изменений, за последнее десятилетие в России явления социальной дезорганизации и социальной патологии заметно усилились. Растет преступность (об этом ниже), особенно такие ее виды, как тяжкие преступления. Появились новые разновидности преступлений, связанные с разложением социальных и политических институтов, ослабло прежнее чувство безопасности населения, ранее заботливо поддерживаемое цензурой и идеологической пропагандой. В средстве массовой информации ранее табуированная и закрытая тема состояния преступности ("разгула преступности") стала одной из ведущих, так как она превратилась в повседневную критику деятельности властей, что, в свою очередь, усиливает впечатление криминального взрыва. Это ложилось на общий тон негативизма, ностальгии по прошлому, неудовлетворенности настоящим, массовой депрессии и фрустраций, с которыми российское общество переживает процессы адаптации к изменениям.

Исходя из представлений и мерок западного наблюдателя, можно сказать, что советское и постсоветское общество являются "криминальными обществами", поскольку условия повседневной жизни в СССР (и в не меньшей степени — в РФ) ежечасно приводили к нарушению формальной буквы закона. Не то чтобы какие-то группы были

в большей степени склонны к нарушению закона, а какие-то меньше. Закон в том или ином виде нарушался всеми — от высшего руководства до самых бесправных жителей социалистического общества — колхозников и социального дна. Однако такое определение будет в принципе неверным, ибо привносит в советскую или российскую действительность чужие представления о норме и правонарушении. Тотально-репрессивный характер регламентации любой сферы социальной жизни (хозяйства, образования, медицины, управления, армии, правоохранительных органов и пр.) мог компенсироваться только таким же всеобщим нарушением официальных предписаний и требований закона, что, соответственно, снимало саму проблему правонарушения для массового сознания или по крайней мере ослабляло нормативную значимость правил поведения, тем более что и наказание в целом не соответствовало характеру нарушения нормы. Режим был вынужден терпеть не только массовый характер воровства (несунов), но и различного рода отклонения от предписаний, чтобы не подорвать саму основу своего существования. Это относилось не только к сфере экономики, допустим, народно-хозяйственному планированию (государственный план имел характер закона, исполнение которого требовало на практике многочисленных увязок, поправок и корректировок). Каким бы рациональным и законным оно не выглядело бы с внешней и формальной точек зрения, оно оборачивалось высшей иррациональностью в практике и бесчисленными рутинными нарушениями формальных инструкций и законов. Ни один план (на любом уровне — в стране в целом или на отдельном предприятии и в организации) в этой системе экономики не выполнялся. Но это же относилось (в условиях дефицитарной экономики и иерархического, статусно-закрытого общества) и к любой другой плоскости социального существования — системе материального распределения, призыву на военную службу, медицинскому обслуживанию или поступлению в университет, получению жилья или даже прописке, разрешению жить в данном месте (как правило, в крупных городах, где условия жизни были существенно выше). Правилем было использование не только открытых и опубликованных законов (их открытость тоже имела номинальный или декларативный характер, так как даже доступ к самим кодексам законов был крайне ограничен и затруднен для обычного человека), но и подзаконных актов, таких, как ведомственные закрытые инструкции и разъяснения, не публикуемых в принципе, а потому недоступных для массового человека, неспециалиста. Поэтому массовое поведение определялось в своей основе не столько нормами формального права, сколько круговой порукой (общим заложничеством) и корпоративными неформальными конвенциями, допускающими достаточно сильные отклонения от буквы закона, нравами, повседневными обычаями. Это создавало своеобразную атмосферу тотального страха во времена Сталина, перешедшую в состояние хронической неуверенности в своем настоящем, подвешенности любого человека, особенно занимающего важные функциональные позиции.

Состояние любого субъекта, как юридического, так и физического, можно было квалифицировать как существование в модусе "**отложенного наказания**", как выразился один из исследователей-криминологов. Если бы дело заключалось только в юридической необеспеченности общества, правовой безграмотности или эпизодическом административном произволе, то подобные проблемы при смене режима власти могли бы быть решены в течение определенного, обозримого времени. Однако это не происходило. Поэтому мы можем сказать, что суть дела сводится не к юридической квалификации фактического правонарушения того или иного физического лица или юридичес-

кого субъекта, а в слабеющей инерции правовых механизмов советского общества, репрессивных институтов, эластичности правовых норм или условий их применения, правовом нигилизме, соответственно, юридической иррациональности тех сил, которые могли быть заинтересованы в том, чтобы дать "делу ход", возбудить сам процесс расследования правонарушения. Иначе говоря, вопрос стоит о систематическом институциональном воспроизводстве беззакония, связанного с отсутствием гражданского общества, самих условий его существования.

Гротескной иллюстрацией этого вывода о репрессивном характере российского судопроизводства может служить положение с институтом суда присяжных. В 1997 г. судами разного уровня осуждено более 1,5 млн человек (примерно 2% взрослого населения), в том числе около 30 тыс. за убийства. При этом через суды присяжных прошло лишь 500 человек, что объясняется малой их работоспособностью и недостаточным финансированием. Фактически же со стороны правоохранительных и судебных органов идет активное сопротивление реализации судебной реформы. Суды присяжных (а они существуют с 1993-1994 гг. лишь в некоторых регионах — Ивановской, Московской, Ростовской, Рязанской, Саратовской, Ульяновской областях, Алтайском, Краснодарском и Ставропольском краях) в подавляющем большинстве случаев выносят оправдательные приговоры, руководствуясь исключительно формальными юридическими обстоятельствами и соображениями, в частности, недостаточной доказательностью правовой основы обвинения и следствия. Председатель кассационной палаты Верховного Суда РФ Шурыгин отметил, что качество работы суда присяжных заседателей выше, чем обычных судов. "Ошибки, повлекшие за собой... отмену приговоров, допускались не присяжными заседателями, а профессиональными судьями". В отличие от них оправдательные приговоры в обычных судах составляют всего 2% от общего числа вынесенных решений. (К тому же и эти часто выносятся лишь в отношении служебных или ведомственных преступлений — злоупотреблений милиции, чиновников и т.п., сопровождаемых жертвами или значительным ущербом для потерпевших**.)

Все это может служить объяснением уже упоминавшейся двойственности массовых установок в отношении правовой системы. Такое отношение неслучайно. Недовере к судебной системе, прокуратуре или милиции нельзя рассматривать как характеристику последних лет, обусловленную негативным отношением к правительству Б.Ельцина или всей государственной власти, поскольку оно проявляется на протяжении всего периода измерений, а значит, не зависит от ситуации или конкретных обстоятельств и лиц. Правильнее было бы говорить, что оно систематически воспроизводится, как и многие другие базовые установки массового сознания, описанные в виде ста-

* Ежегодно фиксируется примерно 4-5 тыс. нарушений законности, связанных со злоупотреблениями сотрудников милиции (это примерно 5-6% от общего состава), из них 10% — связи с преступными группировками.

** Известия. 2000. 12 апр. С. 12. Ср. также: "Главное, что отличает суды присяжных, — это более тщательное соблюдение УПК и всех процедур, что нервирует следователей и прокуратуру, которые привыкли работать в других, более свободных от контроля условиях. Адвокаты же находятся в наилучших условиях именно в этом суде. Некоторые из субъектов Федерации (например Рязань) обратились в Конституционный Суд с просьбой исключить Рязань из списка регионов, в которых действуют суды присяжных заседателей, объясняя это тем, что у них нет денег на их содержание. Кроме того, идет ссылка на негативный резонанс, вызываемый оправдательными приговорами у населения" (Российская газета. 1999. 3 февр.).

Динамика отношения к суду и прокуратуре
(в % от числа опрошенных; приводятся только два крайних варианта ответов из пяти возможных — "полностью доверяю" и "полностью не доверяю")

Суждение	1989 г.	1991 г.	1993 г.	1995 г.	1997 г.	1999 г.	2000 г.
Полное доверие	18	16	8	9	13	10	14
Полное недоверие	27	24	38	38	39	43	38
Доверие/недоверие	0,7	0,7	0,6	0,2	0,3	0,2	0,4

бильных реакций общественного мнения (трендов, рядов) в различных исследованиях ВЦИОМ (табл. 1).

Ответы на вопрос: **"В какой мере Вы доверяете судебной системе и правоохранительным органам?"** распределились следующим образом (в % от числа опрошенных, сентябрь 1998 г., N= ПОЗ человек):

Вариант ответа	%
Вполне доверяю	3
По большей части доверяю	9
Доверяю, но далеко не во всем	23
Очень мало доверяю	30
Совершенно не доверяю	27
Затрудняюсь ответить	8

Низким доверием (точнее, преобладанием недоверия) населения пользуются, как известно, практически все общественные и политические институты России, кроме церкви и армии, но даже на этом общем фоне заметно выделяется устойчивое негативное отношение к правовым и милицейским учреждениям в России (табл. 2). (Напомним, волна общественной поддержки — "доверия" — новому президенту поднялась лишь осенью 1999 г.) Ниже суда и милиции занимают позиции только профсоюзы и политические партии, окрашенные в глазах населения особой сервильностью и коррумпированностью.

Намного большим доверием в целом пользуется у населения Конституционный Суд — полное доверие ему высказывают 38% и еще 45% — частичное; полное недоверие — лишь 12% опрошенных (5% затруднились с ответом или не знают, что такое Конституционный Суд). Однако вряд ли было бы правильным видеть в этом сугубо практические и адекватные оценки его деятельности. Скорее именно в силу крайне смутного представления о тех функциях, которые он реально исполняет, на этот институт возлагаются идеализированные надежды. Уповают на высший и независимый суд — ведомство "милости и справедливости", отделенное от иерархической системы советского судопроизводства и что немаловажно — необычно для советского времени.

Общие причины неудовлетворенности работой правовых и правоохранительных институтов в России представляются очевидными: рост преступности, порождающий чувство тревоги и разлитой угрозы существованию маленького человека, неэффективная работа милиции и прокуратуры и т.п. И действительно, данные опросов полностью подтверждают эти представления и опасения.

В 1990 г. (в одном из первых исследований по проблеме преступности) 6% опрошенных россиян говорили о том, что их в прошлом году (точнее, за последние 12 месяцев) обворовывали или пытались обворовать (дома, на улице, в транспорте, на работе и т.п.), 27 — о том, что на них нападали, грабили или что они подвергались угрозе изнасилования (или были изнасилованы). Иначе говоря, каждый третий из опрошенных испытывал тяжелую травму или неприятные переживания, оказываясь в ситуации стресса, унижения, психологических страданий или материального ущерба, отсутствия защиты со сторо-

Таблица 2

Доверие к общественно-политическим институтам
(в % от числа опрошенных, март 2000 г., N=2400 человек)

Общественно-политический институт	Полное доверие	Частичное доверие	Полное недоверие	Доверяющие/не доверяющие
Президент	48	29	9	5,3
Армия	48	26	10	4,8
Церковь	38	23	12	3,2
Пресса, ТВ	20	47	19	1,1
Правительство	20	43	18	1,1
ФСБ	24	35	18	1,3
Региональные власти	18	36	27	0,7
Парламент	13	42	18	0,7
Городские власти	18	39	30	0,6
Адвокаты	14	27	31	0,6
Суд, прокуратура	14	13	38	0,4
Профсоюзы	10	27	31	0,3
Партии	7	33	31	0,2

ны тех, кто должен, по определению, защищать обычных граждан. Треть пострадавших от преступников во всей массе взрослого населения — это очень много, особенно если учитывать еще и социальное эхо события — воздействие на близких или родственников потерпевших. Сказанное выше (но особенно данные табл. 3) позволяет понять массовое отношение к работе милиции или суда. Преобладают общие негативные оценки работы милиции (1996 г.): удовлетворены ее работой — 15%, не удовлетворены — 34%, хотя большинство опрошенных (50%) затрудняются ответить на подобные вопросы, как я полагаю, из-за сбитости критериев оценки нормы (что считать "нормальным", как должно быть или что происходит на самом деле). Что милиция работает профессионально и служит гражданам, полагают лишь 12%, не оказывает никакой помощи населению — 34, нарушает права граждан, творит насилие и произвол — 22, затруднились оценить ее работу 33%. Однако "за последние пять лет ее работа изменилась к худшему", так считают 43% опрошенных, "не изменилась" — 29% и "изменилась к лучшему" — лишь 8%. Поэтому неудивительно, что 60% в том же опросе считали, что положение с преступностью стало гораздо хуже по сравнению с прошлыми годами, с доперестроечным временем (как "примерно такое же" положение оценили 22% опрошенных и всего 1–2% полагали, что ситуация стала заметно улучшаться). Проследившие трендов, непосредственное сравнение данных, фиксирующих динамику массовых реакций, затруднены тем, что вопросы в разных исследованиях задавались в различной форме. Но общий характер подобных распределений от-

Что из перечисленного ниже происходило с Вами в последние пять лет.. в последний год?
(в % от числа опрошенных, январь 1994 г.; N=1200 человек,
выборка — население крупных городов)

Был жертвой, страдал от...	За пять лет	За последний год	Обращался в милицию	Удовлетворен этим обращением	Преступник пойман
Карманных краж	20	12	1	0,4	0,3
Нападения хулиганов	15	10	2	0,3	0,6
Сексуального домогательства	15	5	0,1	0	0,1
Мошенничества	11	7	1	0,1	1
Разбоя вне дома	11	6	2	0,3	0,3
Краж из автомашины	9	3	6	0,3	0
Шантажа, рэкета, вымогательства	4	2	0,3	0,3	0
Изнасилования или попыток насилия	3	0,9	0,1	0	0
Кражи, угона автомашины	5	3	2	0,5	0,7
Ограбления квартиры	2	1	2	0,1	0,5

ветов более или менее очевиден. Согласно последним по времени опросам на интересующую нас тему (июль 1999 г., N=1600 человек), распределение мнений осталось в принципе таким же, как и в более ранних по времени опросах: "В сравнении с ситуацией 2-3 года назад милиция работала лучше, хуже или так же, как и раньше?" — "лучше", так считают 14% опрошенных, "так же" — 25, "хуже" — 42%. То же самое мы можем обнаружить в более ранних опросах (табл. 4 и 5).

С какими из перечисленных ниже проблем и неприятностей Вам приходилось сталкиваться в течение последних шести месяцев? (в % от числа опрошенных, октябрь 1994 г., N=1700 человек):

Вариант ответа	%
Не приходилось сталкиваться ни с чем подобным	53
Видел(а), как на улице напали на кого-то	12
Украли личные вещи или кошелек, бумажник	11
Напали на меня на улице	5
Обворовали квартиру, дом	5
Вымогали взятку за решение какой-то проблемы или получение услуги	5
Угнали или "раздели" автомашину	3

Общая динамика этих установок совпадает с динамикой преступности в России (так, как она представлена в милицейских статистических сводках). Кризис всей советской системы, вызвавший с некоторой задержкой усиление процессов социальной дезорганизации и патологии, отразился и в росте критических и негативных оценок функционирования правовой системы в России (табл. 6).

Наиболее опасные для общественного спокойствия правонарушения, по мнению опрошенных, это — организованная преступность (18%), воровство (14%), должностные преступления, коррупция (14%), рэкет, вымогательство (11%), спекуляция (10%), ограбления (5%), убийства (5%), насилие (4%), мошенничество (3%), наркоторговля (1%). Подобное распределение видов преступлений не совпадает со структурой реальной преступности (так, как она представлена в госстатистике). Такая картина явля-

Таблица 4

Случалось ли, что у Вас крали личные вещи или кошелек?
(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.
Много раз	5	6	5	5	6	5
2-3 раза	16	15	17	12	16	16
1 раз	22	20	20	22	21	22
Никогда	55	59	57	61	56	55

Таблица 5

Чувствуете ли Вы себя в безопасности..?
(в % от числа опрошенных, 1993 г., N=1200 человек)

Состояние	1	2	Затруднились ответить
Ночью на улицах сейчас	23	70	7
Ночью на улицах пять лет назад	74	19	7
Оставаясь одни дома сейчас	78	20	2
Оставаясь одни дома пять лет назад	90	7	3

1 — Сумма ответов: "чувствую себя в полной безопасности" + "чувствую себя относительно спокойно";

2 — Сумма ответов: "чувствую некоторое беспокойство" + "чувствую себя в опасной ситуации".

ется скорее отражением собственных ценностных представлений опрошенных и воздействия СМИ, в которых акцентируется внимание на тех или иных моментах социальных страхов, а не на реальных событиях в жизни людей.

Вместе с тем и рост, и масштабы преступности, о которых обычно говорится как о явлениях беспрецедентных, экстраординарных, что составляет уникальность ситуации посткоммунистической России ("небывалый рост преступности, захлестнувший страну.."), являются очень идеологизированными и даже мифологизированными. Сам по себе уровень преступности не так велик (если исходить из регистрируемых правонарушений). В общем и

Таблица 6

Число зарегистрированных преступлений (тыс. человек)

Число преступлений	1990 г.	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.
Всего зарегистрировано	1840	2173	2761	2780	2633	2756	2625	2397	2582
На 100 тыс. жителей	1243	1470	1871	1887	1789	1877	1789	1634	1764

целом он сопоставим с американскими данными и во многих отношениях ниже, чем в других развитых странах. Для сравнения: в Германии, численность населения которой почти вдвое меньше, чем в России (82 млн и 146 млн жителей), ежегодно регистрируется почти в три раза больше правонарушений, чем в России (в 2,8 раза, если быть точным — табл. 7). Другое дело, что их структура иная: меньше тяжких преступлений, убийств, но больше изнасилований, избиений, краж и т.п. А главное, сама правовая система не так напряжена, как у нас, поскольку она функционирует более эффективно применительно к проблемам гражданского общества, чем посткоммунистическая.

Таблица 7

Число зарегистрированных преступлений (тыс.)

Преступления	РФ	ФРГ
Всего зарегистрировано	2349	6586
<i>В том числе:</i>		
Убийства и покушения на убийство	29	3,3
Причинение тяжкого вреда здоровью	46	313
Изнасилование	9	45
Кражи, разбой и грабеж	1200	3,516
Число преступлений на 100 тыс. жителей	1634	7700

Источники: Российский статистический ежегодник. 1999. Госкомстат, 1999. С. 176; Datenreport 1999. Statistisches Bundesamt (Hrsg.). Bundeszentrale fuer politische Bildung, 1999. S. 224-230.

В 1997 г. в ФРГ осуждена (не считая приговоров за ДТП) 531 тыс. человек. Однако сидит по тюрьмам (в том числе и ранее осужденных) всего 68 тыс. человек (13%). В России же сидят по лагерям и тюрьмам 785 тыс. человек и еще 273 тыс. — в следственных изоляторах*, причем сидят так долго, что в других странах это могло бы считаться отбыванием срока наказания за большинство преступлений. Численность заключенных в ФРГ (относительно численности населения в Германии) в 9 раз меньше, чем в РФ. Иными словами, лишение свободы в этой стране не является основной формой наказания (даже одно это обстоятельство само по себе с трудом укладывается в голове российского подданного).

Можно также говорить о крайне пессимистических установках населения относительно успешности раскрытия уже совершенных преступлений и наказания преступников. Твердых оптимистов и убежденных законопослушных граждан, верящих в успешную работу правоохранительных органов, милиции и прокуратуры, явное меньшинство — всего 15%, гораздо больше осторожных скептиков (37%), полагающих, что вероятность успешности их работы составляет 50 : 50, и примерно столько же откровенных пессимистов (32%). Поэтому обращается в милицию лишь незначительная часть потерпевших (в зависимости от типа преступления — от 2 до 8%, исключение составляют лишь случаи крупных краж, таких, как автомашины или квартирные кражи. В этих случаях в дежурную часть обращается уже большинство пострадавших). Удовлетворены же действиями милиции лишь единицы — 2-3%, что примерно соответствует показателям поимки преступников и вероятности возвращения похищенного. Несколько выше раскрываемость преступления в случае угона или похищения машины (17-20%) или квартирных краж. Иначе говоря, наша милиция не для того существует, чтобы защищать граждан, а чтобы защищаться от граждан.

* Известия. 2000. 27 мая. С. 1.

Такие мнения опрошенных в какой-то степени подтверждают и ведомственной статистикой. По данным НИИ МВД, около 60% жертв даже тяжких преступлений предпочитают не иметь дело с милицией. В 1997 г. на учет было поставлено более 51 600 дел, ранее совершенных, но не зафиксированных, — сотрудники милиции не заводят дел по самым разным причинам, в том числе и криминальным. Несмотря на то, что эта тема редко поднимается в СМИ и публичных дискуссиях, репутация милиции все же существенно испорчена. Об этом люди судят как по собственному опыту (каждый десятый опрошенный хоть раз в жизни был задержан милицией по тем или иным подозрениям), так и на основе рассказов и слухов. Во всяком случае, несмотря на довольно высокую долю затруднившихся с ответом (35%), значительная часть опрошенных на вопрос: "Насколько распространены в органах милиции негативные явления (такие, как взятки, выбивание нужных следователю показаний, произвол задержания и пр.)?" — ответила "случаются иногда" (35%) или "это бывает сплошь и рядом" (24%). Полагающих, что это бывает в "исключительно редких случаях" — всего 6%. Это свидетельствует о том, что проблема контроля за милицией и насилием внутри органов МВД сегодня практически не разрешима. Только в московской прокуратуре каждый год рассматривается около 1200-1300 жалоб на пытки и недозволенные способы ведения дознания. (Я не говорю уже о беззаконии, которое творится в отношении чеченского населения, целиком обвиненного в бандитизме и терроризме.)

Образ милиции в общественном мнении характеризуется специфической двойственностью. С одной стороны, это клишированное пропагандистское представление о представителе государства как таковом, человеке в мундире, тиражируемое советскими детективами и мыльными сериалами про "знакоков", строгом и справедливом защитнике "государственных интересов", наставнике или старшем товарище, с другой — повседневная фигура участкового, гаишника, "мента", "мусора" и т.п., от которого лучше всего держаться подальше (табл. 8). И по отношению к нему действительно устанавливается негативная дистанция — 55% опрошенных в 1990 г. не знали, кто их участковый, знакомы с ним лишь 20%. (Выше доля последних у людей старшего возраста, живущих в провинции, в малых и средних городах.)

Таблица 8

Типичные личностные качества милиционера
(в % от числа опрошенных, общероссийская выборка, май 1990 г., N=1962 человека)

Отрицательная характеристика	Доля назвавших эту характеристику	Положительные характеристики	Доля назвавших эту характеристику
Грубый	40	Энергичный	27
Безразличный	36	Смелый	26
Некультурный	28	Честный	24
Нечестный	21	Отзывчивый	19
Неумелый	12	Вежливый	19
Ленивый	11	Культурный	17
Трусоватый	11	Умелый	9
Сумма негативных характеристик	159	Сумма позитивных характеристик	146

Характерно, однако, что, несмотря на столь выраженную предубежденность в отношении милиции и суда, особых аргументов и объяснений этому опрошенные не дают. На вопрос: "Почему Вы не доверяете правоохранитель-

ным органам?" (1996 г., N=1200) мнения опрошенных распределились следующим образом: там "берут взятки" (19%), у работников милиции "низкий профессиональный уровень" (16%), они "зависят от властных структур" (10%) или "у них плохая законодательная база, плохие законы" (10%), еще 9% убеждены, что милиция и суд связаны с криминальным миром и потому не могут быть по-настоящему справедливы и эффективны, 32% затруднились с ответом. Разумеется, милиция не единственное место, где вымогают взятки, где приходится по тем или иным случаям "давать на лапу", оплачивать "услуги" и пр. Ответы на вопрос: **"Как часто Вам приходилось давать взятки?"** распределились следующим образом:

Вариант ответа	%
Регулярно и повсюду	10
Изредко случается	27
Иногда надо бы, но не умею	21
Принципиально никогда не даю	36
Затрудняюсь ответить	6

В целом сталкиваться с взяточничеством и коррупцией государственных чиновников приходилось 26% опрошенных (72% — не сталкивались), но при этом уже 56% полагают, что взяточничество "значительно увеличилось" за последние пять лет и еще 8% опрошенных считают, что "увеличилось в сравнении с тем, что было раньше, но несущественно" (17% утверждают, что "изменений здесь нет"; и лишь 2% думают, что коррупция среди чиновников уменьшилась). Остальные (17%) затруднились с ответом.

Результаты исследований ВЦИОМ об отношении населения к работе судебных и правовых институтов, о преступности и прочие, проведенные в 1992—1999 гг. и позже, практически идентичны. Неадекватность существующей правовой системы социальным отношениям, в том числе тем, что могут быть названы формирующимся гражданским обществом, проявляется прежде всего в неспособности суда как института обеспечивать решение собственно гражданских конфликтов. Лишь 13–15% опрошенных в случаях, когда нарушаются их права или действия властей противоречат их интересам, готовы организовать "группу заинтересованных лиц", чтобы как-то решить возникшую проблему, большинство же отвергает коллективные действия или обращения в судебные инстанции (данные опросов ВЦИОМ в апреле 1996 г. и в июне 1995 г. очень близки, выборка в обоих случаях одна и та же: N=1600 человек). Неэффективность суда и возможностей реализации его решений — причина относительно редкого обращения в суды за защитой. По данным исследования В. Радаева (1995), лишь 24% предпринимателей, сталкиваясь с недобросовестным партнером или несоблюдением им взятых на себя деловых обязательств, намерены в этих случаях обратиться в суд или арбитраж, 55% постараются найти компромисс или договориться каким-то образом, воздействовать на них через других партнеров и т.п. Однако 11% готовы прибегнуть к силовым методам решения конфликта, в том числе обратиться к криминальным группировкам. Причем выявляется определенная зависимость от возраста предпринимателей и размеров самого предприятия или фирмы — предприниматели старшего возраста, прошедшие школу советского хозяйствования, наемные менеджеры, намного реже склонны прибегать к криминально-силовым методам решения проблемы, молодые, а также владельцы и руководители фирм с низким "человеческим капиталом"* — существенно чаще.

* Радаев В. Неформальная экономика и внеконтрактные отношения в российском бизнесе / Неформальная экономика. М., 1999. С. 48–49.

Но даже положительный исход дела при обращении в суд, т.е. удовлетворение иска, еще ничего не гарантирует истцу. Суд зачастую не может принудить ответчика выполнить судебное постановление. Примером может быть исход судебных исков, поданных шахтерами при нарушении их прав в ходе реализации программы реструктуризации угольной промышленности в России. (Эти иски связаны с невыплатами положенных им выплат и компенсаций при закрытии неперспективных и нерентабельных угольных шахт.) 92% исков были судом удовлетворены, но исполнять эти решения суда администрация шахт, руководство которых было признано виновным в этих случаях, не торопилась. (Сами суды проходили в 1997–1999 гг.) Поэтому самая большая группа опрошенных на вопрос: "Куда Вы обратитесь, если Ваши права будут нарушены должностным лицом?" отвечала: "Никуда. Что ни делай, куда ни обращайся, все бесполезно" (41%, май 1990 г.), еще 14% затруднились ответить или не знают, куда, 22% сказали — "в газету" (старое советское представление о пресесе не только как органе пропаганды, но и как суррогате публичности, средстве поучительной "критики" нижестоящих, а стало быть, расчету на то, что есть некоторая вероятность, что жалоба снизу на местное начальство заставит реагировать власти более высокого уровня, т.е. игра в надзирающую роль прессы). Еще 10% склонны были бы обратиться "в райсовет" или "в райком" (9%). Идея апеллировать к "закону" (к легальным и правовым органам в самом широком смысле) в это время приходила в голову в общем и целом (если суммировать однотипные ответы такого рода) менее трети опрошенных, которые выбрали следующие варианты ответов: в этой ситуации следует обратиться в суд, считали 17%, к адвокату — 15%, к прокурору — 14%, в милицию — 12%. Через девять лет, в 1999 г., картина распределения ответов на схожие вопросы типа: **"Если органы государственной власти или местной власти приняли по какому-то вопросу несправедливое для Вас решение, то как можно, на Ваш взгляд, восстановить справедливость и отменить такое решение?"** (в % от числа опрошенных, N=1600 человек, июль 1999 г.):

Вариант ответа	%
Не вижу никаких способов изменить ситуацию	25
Обратиться в российский суд	19
Обжаловать в вышестоящей инстанции	16
Обратиться к влиятельным друзьям и знакомым	14
Обратиться за помощью к криминальным авторитетам	5
Дать взятку	5
Обратиться в Международный суд	3
Затруднились ответить	12

Распределение ответов на вопрос: **"Как часто, по Вашему мнению, обратившись в суд по поводу несправедливого решения государственного учреждения, человек может сейчас добиться благоприятного для себя результата?"** (в % к числу опрошенных, май 1998, N=1583 человек):

Вариант ответа	%
Часто	2
Практически всегда	8
Редко	41
Практически никогда	33
Затруднились ответить	16

Подытожим результаты нашего исследования. Высокий уровень декларируемой тревоги и массового беспокорства по поводу роста преступности и выраженного недоверия к правовым институтам отражает не столько ре-

альные процессы социальной дезорганизации и аномии, сколько массовое состояние нормативной неопределенности, сбой или дисфункции институциональной системы. Она связана со смутно ощущаемой потребностью в других формах и принципах правового регулирования. Однако отсутствие у массы сколько-либо связанных правовых представлений, знаний, ценностных установок в этой сфере, которые по идее должна была бы артикулировать и закрепить российская элита, оборачивается для массы населения, как это уже не раз было показано, и ностальгией по прошлому, выступающей основанием для оценки настоящего, и устойчивыми дефектами социальности, проявляющимися в неспособности с доверием отнестись к ближнему, недоверии к социальному окружению, подозрительности и непонимании другого. Так, на вопрос: "Согласны ли Вы с тем, что большинство людей готовы помочь другим людям, или Вы считаете, что они больше всего заботятся о себе самих?" 70% ответили: "Большинство думает только о себе" и лишь 13% опрошенных готовы допустить известную степень альтруизма в окружающих. Иначе говоря, фрустрирующее чувство угрозы от роста преступности косвенным образом связано с подсознательным чувством собственной небезгрешности, переносимым на подмоченный авторитет блюстителей закона. Может быть, идеализация прошлого (или по крайней мере утверждение, что раньше было лучше — спокойнее на улицах, милиция лучше работала и т.п.) представляет собой действие механизма идентификации и организации самих себя (не времени, а социального пространства). Вытеснение травматического опыта систематических репрессий и постоянных ограничений, социальных страхов, чувства угрозы, исходящей от властей, и пр. происходит как конструирование положительных и пустых (лишенных конкретности) ирреальных образов прошлого как сферы проективного, пространства желаемого или искомого. Иначе говоря, "спокойная и безопасная жизнь в прошлом" представляет собой ряд чисто фиктивных значений, замещающих реальную скудость жизни, комплексы зависимости, страхи, униженности и всего того, что сопровождает отношения с репрессивной и грубой властью на местах, низовой администрацией, с которой только и имеют дело обыватели. Беспокойство по поводу роста преступности — это способ организации настоящего через вынесение в фиктивное прошлое наиболее ценных значений безопасности и защищенности.

Антон ЛЕРНЕР

Негативная адаптация

(по материалам качественного исследования)

Данная статья является продолжением анализа результатов качественного исследования "Бедность", проводившегося под эгидой Мирового банка* в десяти регионах России. В общей сложности было проведено около 80 групповых дискуссий на основе особой комбинации включенного наблюдения и традиционных качественных методик (фокусированного группового интервью) в духе феноменологической традиции (метод "Participatory Approach"). Исследование осуществлялось как в сельских, так и в городских районах. В основном были выбраны депрессивные регионы, отличающиеся высоким уровнем безработицы (сельские районы с разваленными системами

коллективных хозяйств, городские — с остановившейся промышленностью). Участникам групповых дискуссий предлагалось обсудить изменения, происшедшие в социальной структуре, общественном благополучии, социальных институтах, в гендерных отношениях и т.д. В ходе обсуждений и при последующей интерпретации использовались определения и термины, данные респондентами, а не традиционные категории, применяющиеся в исследовательских целях. В ходе данного исследования предполагалось выяснить отношение людей к происшедшим переменам и потрясениям последнего десятилетия. В дальнейшем на основе полученных данных будут рассмотрены процессы изменения социальной структуры.

В центре исследования оказались сравнительно новые явления в российском обществе, связанные с так называемыми "новыми бедными". Во время некоторых дискуссий именно респонденты использовали это понятие для определения их нынешнего положения. В эту группу не включены социальные аутсайдеры (бичи, бомжи, нищие и т.д.). Следует отметить, что понятие "бедность" в данном контексте наполнено содержанием, отличным от традиционного представления о "бедности" в социально-экономических категориях или в категориях социальной работы. В первую очередь бедные — это те, кто утратил свой прежний устойчивый статус, чаще всего определяемый как "средний".

За отправную точку при анализе взято представление людей, участвовавших в групповых дискуссиях и интервью, о благополучии. Участникам групповой дискуссии предлагалось рассказать, описать, что в их понимании представляет собой "благополучие", или "благополучная жизнь".

Практически все определяли благополучие от противоположного, т.е. через неблагополучие, или, по словам самих респондентов, через такое понятие, как "ненормальная жизнь". По их мнению, ненормальным считается их нынешнее бытие: *"Хорошая жизнь? Ну уж не та, что сейчас!"* (здесь и далее цитаты участников групп и интервью выделены курсивом).

Сегодняшнее их положение определяется как ненормальное, и, что существенно, норма благополучия связывается ими не с опытом удачливых приспособившихся соседей, знакомых или просто воображаемых сограждан сегодня, а с их представлениями о прошлой их жизни, до перестройки: *"Благополучная жизнь — это как мы раньше жили"*. Норма включает стандартный набор советского времени: гарантированная занятость, стабильная и регулярно выплачиваемая зарплата и "предсказуемое будущее". "Норма в прошлом" — наиболее значимый момент, подтверждающий стремительные перемены в системе социальных ценностей и установок.

Критерии нормальной жизни связываются, прежде всего, с материальным достатком — нормальное регулярное питание, возможность покупать одежду себе и детям, удобное жилье: *"Чтобы денег хватало, чтобы ребенка можно было прокормить, обустроить, одеть. Да и себя тоже. Жить без нужды"*; *"Когда человек себе может позволить что-то кроме того, чтобы семью прокармливать"*. Центральное место отводится заботе о благополучии детей: *"Чтобы можно было детей вырастить спокойно"*; *"Чтобы у детей было будущее"*.

Очень важным для участников исследования в их определении благополучия является психологическое ощущение стабильности и спокойствия: *"Настроение хорошее, нормальное. Чтобы не беспокоиться каждый день о пропитании"*.

Для многих болезненным является отсутствие у них возможностей полноценно отдохнуть и развлечься, поэтому для них важно *"...культуры заведения посетить"*;

* Бочарова О. Стратегии выживания в российской глубинке // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1999. № 5. С. 44–47.